

УДК 316.37

DOI: 10.17223/1998863X/62/9

Л.А. Осьмук, О.Б. Незамаева

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В КРУПНОМ ГОРОДЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Рассматривается социальная активность пожилых, исследуется влияние городской среды на жизнь людей в возрасте от шестидесяти лет и старше. Используются результаты социологического исследования активности и самочувствия пожилых людей, проживающих в г. Новосибирске (формализованное структурированное интервью, n = 670). Рассматриваются разные аспекты социальной активности, включение пожилых в новые социальные практики.

Ключевые слова: активность, самочувствие, пожилые люди, городская среда, расширение социального пространства

Рост активности пожилых людей связывают с кардинальными сдвигами в возрастной структуре населения развитых стран, имеющих относительно высокую ожидаемую продолжительность жизни, и с изменившимся образом жизни людей в возрасте, что определяется новыми возможностями, которые открывает современное общество. В свою очередь, новые демографические тренды приводят к постановке вопроса о новых концепциях и стратегиях в области социальной политики в отношении пожилых [1, 2].

С макросоциологической точки зрения современное общество стареет и ищет адекватные принципы самоорганизации, в основании которых – продление активной жизни человека (см.: Доклад Всемирного банка *Averting the Old Age Crisis* (1994)). Но поскольку в современном индивидуализированном обществе базовой ценностью становится человек, то и его активная жизнь начинает рассматриваться как базовая социальная потребность. В связи с этим актуализируются вопросы, связанные с ценностью индивидуального здоровья и долголетием (М.Г. Колосницына, А.Н. Низамова, А.В. Филлипова, Н.А. Хоркина и др.), преодолением стереотипизации старения и эксклюзией пожилых (Т.В. Локосов, Т.В. Смирнова и др.), ростом социальных потребностей и изменением экономического поведения группы от 60 лет и старше (М.А. Герасименко, П.Н. Коломиец, И. Цапенко и др.), продлением мотивации к самореализации и трудовой занятости людей, вышедших на пенсию (И.А. Григорьева, Л.А. Видясова, Н.Т. Вишневская, Д.Г. Владимиров и др.).

Согласно известному докладу ВОЗ (2015), количество пожилых к середине XXI столетия удвоится, с чем согласны большинство экспертов. В России доля граждан в возрасте старше трудоспособного в 2018 г. составляла 25,4% от общей численности населения страны с учетом изменения пенсионного возраста [3], а на начало 2036 г., по прогнозам демографов, эта категория будет составлять 30,1% от общей численности населения [4]. Одновременно, в соответствии с национальным проектом «Демография», ожидаемая продолжительность здоровой жизни до 2024 г. должна вырасти до 67 лет

(к 2030 г. – до 80 лет) [5], что значительно увеличит при определенных условиях и долю социально активных. В создавшихся условиях российская социальная политика перестраивается с учетом тенденции к длительному сохранению активности и повышению качества жизни, что подтверждается государственной программой «Активное долголетие». Данный социальный вызов требует сфокусировать внимание исследователей [6] на связи между самочувствием и активностью пожилых [7].

Изменения в социальном поведении пожилых, наблюдаемые в последнее время, приводят к тому, что в описании современных процессов старения все большую популярность приобретают позитивные по своему содержанию теории: «активная теория оптимального старения» (Р. Хэвигхарт), «концепция успешного старения» (Дж. Роуи и Р. Кан), отечественные теоретические модели человеческого капитала / потенциала (В.Г. Доброхлеб, И.Г. Васильев, И.П. Потехина и др.). Активность пожилых рассматривается как процесс, на который можно влиять. Факторы, обеспечивающие уровень, динамику и содержание физической, психической и социальной активности, можно разделить на внутренние (субъективные) и внешние (объективные), среди этих факторов значительную роль играет место проживания человека (территория). Условия, создаваемые для повышения качества жизни пожилых на территориях, задают определенный микроклимат того социокультурного пространства, к которому пожилой человек, как правило, устойчиво адаптирован и который он боится потерять (переезд в другое место для постоянного проживания представляет стресс для человека, тем более сильный, чем он старше). Урбанизация и распространение городского образа жизни делают самочувствие и активность пожилых, живущих в больших городах, отдельной темой. Появление данного дискурса заставляет обратить внимание на специфическую среду большого города, которая с начала XX столетия описывается как агрессивная (Р. Парк). Но город дает и возможности для проявления личностного потенциала.

В целях выявления особенностей активности / активного образа жизни пожилых в крупном (миллионном) городе в июне–октябре 2019 г. в г. Новосибирске с населением 1 млн 612 тыс. человек на 2020 г. [8] было проведено исследование социальной активности пожилых людей от 60 лет и старше с использованием метода формализованного, структурированного интервью. В исследовании применялась многоступенчатая выборка с использованием квотного отбора ($n = 670$), в которую попали пожилые, проживающие в центре города, на периферии и между центром и периферией (учитывался тип застройки: центр города, промышленная зона, спальный район, частный сектор). Контекст крупного города исследовался ранее через выявление психологических аспектов восприятия городской среды жителями Новосибирска [9] без выделения пожилых в качестве отдельного эмпирического объекта.

Цель исследования, проведенного в июне–октябре 2019 г., заключалась в выявлении особенностей активности (физической и социальной) трех групп пожилых, проживающих в большом городе: 1) пожилые, находящиеся на надомном обслуживании (способные самостоятельно передвигаться и психически здоровые); 2) пожилые, не состоящие на надомном обслуживании, но получающие социальные услуги в учреждениях социальной защиты более или менее регулярно; 3) пожилые, не обращающиеся / редко обращающиеся

в социальные учреждения. Деление на группы было обусловлено усилившейся дифференциацией социально-демографической группы пожилых [10].

Было выдвинуто предположение, что каждая из выделенных целевых групп социальной политики в отношении пожилых имеет некоторый общий уровень активности, связанный с самочувствием: низкий, средний и высокий. Другими словами, чем активнее человек, тем меньше он обращается за помощью. Первая группа, к которой относятся пожилые, находящиеся на надомном обслуживании, не относится к занятым и физически / финансово зависима; вторая группа, как правило, занята частично, но не имеет постоянной работы и относительно зависима; третья группа пожилых продолжает работать и / или может позволить себе быть независимой.

Объективным фактором снижения активности является выход на пенсию. Однако здесь не все так однозначно и связано с ожиданиями и планированием своей жизни. Если большинство людей (65%) спокойно относятся к новому статусу или воспринимают его как неизбежность, то другие тяжело воспринимают прекращение работы. Таким образом, имеются две примерно одинаковые группы, проявляющие повышенные эмоции в отношении перехода: 11% тех, кто с нетерпением ждал пенсии, и 16% тех, кто, напротив, воспринимал уход тяжело. Можно предположить, что 11% уходящих на пенсию уже как-то видят, или планируют свою жизнь после пенсии, рассчитывают на высвобождение времени под активную жизнь, интересный досуг, самореализацию. Но тогда возникает вопрос, насколько удовлетворимы данные экспектации, т.е. созданы ли условия для их удовлетворения. Более сильно в результате переживаемой фрустрации может измениться активность и самочувствие 16%, для кого выход на пенсию – стресс.

Поскольку каждый из пожилых людей рано или поздно сталкивается с возрастными ограничениями, оказывать помощь пожилым в рамках социальной политики можно и нужно исходя из уровня активности выделенных групп, поскольку социальное поведение, образ жизни, потребности, а также восприятие себя и мира зависят от уровня активности: в последнее время большинством экспертов признается необходимость дифференциации социальной политики в отношении пожилых как неоднородной социально-демографической группы [11]. Например, исследование потенциала старшего поколения, проведенное в Центральном федеральном округе, подтвердило разницу в ответах между работающими (можно предположить, более активными) и неработающими пожилыми [6]. Естественно, если первые в большей степени самореализуются и проявляют активность в коллективах организаций, то вторые видят себя больше в семье (если таковая есть), на которую и направлена их активность.

Поскольку собственный образ включен в стратегию поведения, важно не только какой образ пожилого исторически формируется в каждом конкретном обществе (П. Ласлетт) [12], но и как пожилые люди оценивают сами себя. Изучение категориальных структур обыденного сознания в отношении авто- и гетеро-стереотипов пожилого человека выявило существенную разницу между самооценкой «себя в старости», «близкого человека в старости» и «пожилых людей в целом». Если себя в старости оценивают идеалистично, то в отношении пожилых в целом срабатывают «негативные стереотипы: пожилые ведут затворнический образ жизни, склонны к нравоучениям, любят

поплакаться, пожаловаться на свои болезни, у них ухудшаются мышление и внимание, и они чаще задумываются о смысле жизни и логическом конце» [13. С. 47]. С одной стороны, это подтверждает существование устойчивого стереотипа «пожилого» как пассивного человека, с другой – надежду на собственную долгую активную жизнь.

Как показало исследование, чувство бодрости более или менее часто испытывают только 7% пожилых, проживающих в городе; большинство, или примерно половина всех опрошенных, чувствуют себя хорошо или нормально (здесь следует отметить, что в большинстве опросов пожилые не любят жаловаться и демонстрируют позитивное настроение); больше четверти пожилых испытывают проблемы с самочувствием, а 19% чувствуют себя плохо. Поскольку у половины пожилых выявлены проблемы с самочувствием, можно предположить, что только вторая половина, чувствующая себя хорошо и нормально, может проявлять более или менее высокую активность. Но, так как активность проявляется прежде всего через деятельность, вопрос относительно того, «на что хватает сил», рассматривался в качестве одного из индикаторов объективного состояния активности. Скорее всего, к активным можно отнести только 35% пожилых, у которых сил на что-то хватает, т.е. поставленный вопрос значительно сократил группу «активных». Важно отметить, что есть 30% тех, кто признается в отсутствии сил. Таким образом, оценка самочувствия оказывается более позитивной, чем оценка собственного потенциала активности. Показательно, что по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ) только 16,1% пожилых нетрудоспособного возраста считают, что способны вести активный образ жизни [14], т.е. когда речь идет о постоянной активности, а не о самочувствии, самооценка пожилыми своих способностей снижается.

С точки зрения пожилых, существует целый ряд факторов, влияющих на самочувствие и снижающих активность. Основными раздражителями ожидаемо стали «рост цен, дорогие и некачественные товары в магазинах» и «постоянный негатив и плохие новости по телевизору». Вторыми в рейтинге негативных факторов оказались «плохая погода и изменяющийся климат» и «плохая экология, шум, грязь в подъезде и др.», в число сильных раздражителей попало и «неуважительное отношение к пожилым», что расценивается нами как один из индикаторов эйджизма. В целом городская среда рассматривается пожилыми как агрессивная, приводящая к одиночеству и ощущению социальной и психологической депривации, и это при том, что Новосибирск признан не самым агрессивным городом в России (20-е место в антирейтинге) [15].

По результатам исследования (открытые вопросы), пожилые люди, проживающие в городе, в определенной степени стремятся к самоизоляции: «а кто сказал, что одиночество – плохо», «благодарна родственникам, что живу одна в своей квартире» и др. Стратегия «скрыться от всех в своей квартире» может рассматриваться в качестве психологической защиты, демонстрирующей отношение к внешнему враждебному, раздражающему миру. Но есть и другая сторона одиночества: оно негативно влияет на физическую и социальную активность, ухудшая самочувствие.

Вопрос о частоте возникновения чувства одиночества («Как часто возникает у Вас чувство одиночества?») показывает, скорее, степень одиночества,

т.е. насколько одинок человек. Причем чем чаще возникает чувство одиночества, тем чаще человек оказывается в ситуации, ограничивающей или фрустрирующей его активность, и наоборот. В соответствии с полученными данными, глубокое чувство одиночества переживают 11% пожилых, проживающих в Новосибирске, при этом для пожилых, находящихся на надомном обслуживании, чувство одиночества более стабильно, в то время как для пожилых людей, в меньшей степени нуждающихся в постоянных услугах института социальной защиты, одиночество – ситуативное состояние.

Чувство одиночества связано с включением в социальные отношения, наличие которых определяет дискурс проявления активности. Для пожилых очень важным является внимание со стороны близких, для многих именно оно заменяет утраченные социальные связи, но в крупном городе контакты с близкими, равно как соседские практики, существенно ограничены. Работающие родственники (дети, внуки, племянники и др.) включены в мейнстрим социальной жизни слишком интенсивно, чтобы из него выбраться для постоянных связей с оказавшимися на периферии, в результате чего практически 43% пожилых в той или иной степени не чувствуют внимания со стороны близких. Поскольку пожилые люди не видят выхода для своей активности за границы близкого круга, пространство активности оказывается ограниченным. Вместе с тем, как показал опрос, для пожилых даже в большей мере, чем принимать заботу, важно самим заботиться о родственниках и знакомых. Причиной тому выступает чувство независимости, достаточно сильное у пожилых даже преклонного возраста; аналогичные результаты показали и другие исследования [16].

Один из факторов, влияющих на состояние социальных связей и социального капитала в современном обществе, – наличие домашнего компьютера / ноутбука / смартфона и владение коммуникационными и информационными технологиями. Среди пожилых, проживающих в крупном городе, больше половины не имеют компьютера / ноутбука / планшета, а чуть меньше не имеют и смартфона, пользуясь старыми моделями телефонов. Данная ситуация автоматически выбрасывает свыше 50% пожилых на периферию современной социальной жизни. В ходе исследования обнаружилось, что социальные связи после выхода на пенсию обрываются для кого-то постепенно, для кого-то – резко, и, несмотря на наличие новых коммуникационных технологий (61% имеют постоянную связь с друзьями / знакомыми, используя современные средства коммуникации), есть 35% тех пожилых, кто редко или вообще не общается с друзьями / знакомыми. Из тех, кто имеет компьютеры / ноутбуки / планшеты, активными пользователями социальных сетей являются 33%, т.е. только шестая часть пожилых может быть включена в новые социальные практики. Однако подавляющее большинство, даже имея компьютеры / ноутбуки / планшеты, не пользуются социальными сетями. Из пользователей социальных сетей есть только единицы среди пожилых, находящихся на надомном обслуживании, крайне мало пользуются социальными сетями и пожилые, эпизодически обращающиеся в службы. Можно говорить о серьезном разрыве между социальными капиталами исследуемых групп; скорее всего, те, кто не обращается или редко обращается в социальные службы, имеют перспективу дольше сохранять свой социальный капитал по мере старения.

Вопрос о способности / неспособности понять современное поколение является в большей степени субъективным и эмоциональным. В ходе проведения исследования данный вопрос неоднозначно воспринимался респондентами, однако налицо была попытка ответить на него искренне. Вопрос направлен на выявление самоидентичности, понимание своего психологического и активного возраста. Пожилые люди, считающие себя способными понять молодое поколение, скорее всего, готовы принять новые социальные практики или попытаться это сделать. Выявленный процент (35%) тех, кто считает себя неспособным понять молодое поколение и полагающих, что «это совершенно другое поколение», является серьезным аргументом в пользу наличия разрыва между поколениями и социальной эксклюзии пожилых. При этом такое суждение свидетельствует о самоэксклюзии. Конечно, есть 58% тех, кто считает себя способными в той или иной степени понять молодое поколение, среди них подавляющее большинство пожилых с высоким уровнем активности. Данный вопрос связан и с готовностью пожилых принять и признать современные социальные практики.

Осваивая изменяющееся социальное пространство, пожилые люди в большей степени, чем все остальные возрастные группы, привязаны к физическому пространству, или территории: своему городу, району / микрорайону, двору, своей квартире, своему креслу / дивану и др. Значимое место в жизни многих пожилых занимает двор (в случае его наличия). Если двор огорожен (забор или просто четкие территориальные границы – насаждения, строительные сооружения и др.), имеет места для отдыха пожилых (хотя бы скамейки), если он является комфортным и воспринимается как комфортный, – он расширяет жизненное и социальное пространство пожилых, т.е. является условием для проявления активности. Считается, что в последнее время пожилые все больше готовы заниматься благоустройством двора.

В свою очередь, готовность подкрепляется соседскими практиками, которые, однако, разрушаются с увеличением города и строительством многоэтажных домов. Большинство пожилых испытывают ностальгические чувства по исчезающим соседским практикам, находя их сильным стимулом к благоустройству. Исследование показало, что только 14% пожилых активны в благоустройстве и часто выступают в качестве инициаторов или реже – лидеров данного движения, 21% подключаются к благоустройству периодически. В отношении 37% не принимающих участие важно рассмотреть, по каким причинам это происходит. Около трети («не участвующих») – пожилые с низким уровнем активности («надомники»), испытывающие проблемы со здоровьем, но более существенной причиной бездействия выступает одиночество (см. выше), определяющее низкую мотивацию и готовность к какому-либо проявлению активности. Как следствие, пожилой человек (таких – 60% «участвующих редко» и «не участвующих») не может заставить себя выйти во двор, особенно если эта среда для него дискомфортна.

Степень активности для пожилых связана с их пространственной мобильностью, с тем, насколько часто и насколько далеко они покидают свою квартиру и свой двор. В соответствии с полученными данными 54% респондентов имеют в городе любимые места для отдыха, но только половина периодически посещает эти места, 43% не имеют таких мест, ограничиваясь квартирой / двором или предпочитая дачу. С точки зрения респондентов,

существует дефицит мест в городе, где пожилой человек мог бы отдохнуть, 57% утверждают, что комфортных мест для пожилых нет вообще. Маршрут пожилых людей в своем пространстве часто ограничивается поликлиникой, магазином, аптекой и тому подобным, этот маршрут повторяется и характеризует поведенческие особенности изучаемой группы.

Получается, что город наиболее открыт и приспособлен для активных пожилых, но и среди них есть группа «не выходящих в город». Для достаточно большой группы пожилых (22%) границы пространства ограничиваются микрорайоном, прежде всего для тех, кто является жителем так называемых спальных микрорайонов. Респонденты дают достаточно положительную оценку своим микрорайонам, отмечая наличие мест для отдыха, которыми они пользуются, – 23%, наличие спортивных площадок, приспособленных для пожилых, куда они ходят, – 22%. При этом отмечается потребность в расширении своего пространства, поскольку большинство (80%) хотели бы получать более подробную информацию относительно услуг, мероприятий и мест отдыха для пожилых.

Итак, исследование подтвердило существенные отличия в уровне и проявлениях активности пожилых, относящихся к трем выбранным группам. Группа пожилых, не обращающихся или редко обращающихся за поддержкой, наиболее активна: старается не выпасть из современной культуры, признает новые социальные практики, имеет больший круг социальных потребностей. Активность двух других групп в значительной степени ограничена, более того, группа тех, кто периодически обращается в социальные учреждения, вызывает опасение в связи с быстрой утратой социальных связей и исключением из новых социальных практик. Необходимость в разработке системы социального сопровождения в крупном городе с учетом неоднородности социально-демографической группы пожилых и разного уровня активности у выделенных групп подтверждается результатами исследования. Концепция успешного старения [17] детализируется с учетом особенностей территории и стратегий активности пожилых.

Литература

1. Григорьева И.А. Смена парадигмы в понимании старения // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 154–155.
2. Григорьева И.А., Парфенова О.А., Петухова И.С. Занятость и социальное исключение пожилых граждан (обзор европейских конференций) // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 157–159.
3. Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/13877> (дата обращения: 10.03.2021).
4. Демография // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.03.2021).
5. Концепция активного долголетия: как улучшить качество жизни пожилых людей. URL: asi.org.ru (дата обращения: 10.03.2021).
6. Потехина И.Н., Чижов Д.В. Потенциал старшего поколения как составляющая национального человеческого капитала (по материалам исследования в регионах ЦФО) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 2–23.
7. Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 55–61.
8. Официальный сайт города Новосибирска. URL: <http://novo-sibirsk.ru> (дата обращения: 12.01.2021).

9. Шемелина О.С. Аспекты психологического восприятия современной городской среды // Ценности и смыслы. 2009. № 1. С. 72–89.
10. *Handbook of sociology of aging* / ed. by R.A. Settersten, jr., J.L. Angel. New York : Springer, 2011.
11. Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Специфика группы пожилых как объекта социальной политики: Социологическая наука и социальная практика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spe-tsifika-gruppy-pozhilyh-kak-obekta-sotsialnoy-politiki> (дата обращения: 12.01.2021).
12. Laslett P. A Fresh Map of Life: the Emergence of the Third Age. London, 1990.
13. Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е. Альтернативный подход к анализу факторной инвариантности в социально-демографических группах: на примере исследования образов пожилых людей // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2015. № 41. С. 47–48.
14. Пожилое население России: проблемы и перспективы : социальный бюллетень, март 2016 // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/8485.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).
15. Федеральный социологический опрос (июнь 2019) // Независимое агентство Zoom Market. URL: www.mazm.ru (дата обращения: 10.01.2021).
16. Warburton J., Sik Hung N.G., Shardlow S.M. Social inclusion in an ageing world: Introduction to the special issue // Ageing and Society. 2013. Vol. 33, № 1. P. 1–15.
17. Havighurst R. J. Successful aging // The Gerontologist. 1961. Vol. 1, № 1. P. 8–13.

Lyudmila A. Osmuk, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: osmuk@mail.ru

Olga B. Nezamaeva, Department of Social Policy of the Mayor's Office of Novosibirsk (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: olga.nezamaeva@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 62. pp. 102–110.

DOI: 10.17223/1998863X/62/9

SOCIAL ACTIVITY OF ELDERLY PEOPLE LIVING IN A LARGE CITY: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

Keywords: activity; well-being (state of health); elderly people; urban environment; expansion of social space

The problem of elderly people's activity is actualized by changes in the age structure of the population and the changed way of life determined by the capabilities of modern society. These trends lead to the question of new social policy strategies. The issue of the activity of the elderly living in a large city requires a separate consideration. The elderly do not fully use the opportunities of the city, and their activity is rather suppressed by an aggressive environment. This hypothesis is confirmed by a study conducted in 2019 in Novosibirsk ($n = 670$). The aim of the study was to identify the characteristics of the three groups of elderly people: 1) the elderly who are on home-based care; 2) the elderly who are not on home-based care, but receive social services more or less regularly in social institutions; 3) the elderly who do not apply or rarely apply to social institutions. The assumption that each of the selected groups has a common level of activity associated with state of health (well-being) – low, medium and high – was confirmed. The third group tries not to fall out of modern culture, recognizes new social practices and has a wide range of needs. The activity of the other two groups is significantly limited; moreover, the group of those who periodically apply to social institutions raises concerns due to the rapid loss of social ties and exclusion from new social practices. Retirement is an objective factor in reducing activity. While 65% are calm about the new status or perceive it as inevitable, the activity of 16% may change as a result of the frustration experienced. Despite the positive reaction, the feeling of cheerfulness is more or less often experienced by only 7% of the elderly living in the city, while a quarter of the elderly experience problems with well-being (health), and 19% feel bad. The study showed that, most likely, only 35% of the elderly can be considered active, having the strength “for doing something”, while the elderly's assessment of well-being (state of health) was more positive than the self-assessment of the potential for activity. Elderly people in the city often find themselves alone; their knowledge of information technology is unsatisfactory and does not allow restoring communications. The territory (microdistrict, yard) is not adapted to support the activity of the elderly, and social activity practices are more desirable than real. At the same time, there is a need to expand the space for the manifestation of activity.

References

1. Grigorieva, I.A. (2016) Paradigm change in understanding aging. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 11. pp. 154–155. (In Russian).
2. Grigorieva, I.A., Parfenova, O.A. & Petukhova, I.S. (2018) Employment and social exclusion of senior citizens (review of European conferences). *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 5. pp. 157–159. (In Russian). DOI: 10.7868/S013216251805015X
3. The Federal State Statistics Service. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.gks.ru/folder/13877> (Accessed: 10th March 2021).
4. The Federal State Statistics Service. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.gks.ru/folder/12781> (Accessed: 10th March 2021).
5. The Social Information Agency. (n.d.) *Kontseptsiya aktivnogo dolgoletiya: kak uluchshit' kachestvo zhizni pozhilykh lyudey* [The concept of active aging: how to improve the quality of life of senior people]. [Online] Available from: asi.org.ru (Accessed: 10th March 2021).
6. Potekhina, I.N. & Chizhov, D.V. (2016) Potentsial starshego pokoleniya kak sostavlyayushchaya natsional'nogo chelovecheskogo kapitala (po materialam issledovaniya v regionakh TsFO) [The potential of the senior generation as a component of national human capital (based on research materials in the regions of the Central Federal District)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2. pp. 2–23.
7. Dobrokhele, V.G. (2008) Resource potential of Russia's ageing population. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 8. pp. 55–61. (In Russian).
8. The official site of Novosibirsk. [Online] Available from: <http://novo-sibirsk.ru> (Accessed: 12th January 2021).
9. Shemelina, O.S. (2009) Aspekty psikhologicheskogo vospriyatiya sovremennoy gorodskoy sredy [Aspects of psychological perception of the modern urban environment]. *Tsenosti i smysly*. 1. pp. 72–89.
10. Settersten, R.A. & Angel, J.L. (eds) (2011) *Handbook of Sociology of Aging*. New York: Springer.
11. Dudchenko, O.N. & Mytil, A.V. (2018) The Particular Characteristics of the Elderly as a Subject of Social Policy. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 1(21). (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-gruppy-pozhilykh-kak-obekta-sotsialnoy-politiki> (Accessed: 12th January 2021).
12. Laslett, P. (1990) *A Fresh Map of Life: the Emergence of the Third Age*. London: Weidenfeld and Nicolson.
13. Omelchenko, D.A., Maksimova, S.G., Goncharova, N.P. & Noyanzina, O.E. (2015) Al'ternativnyy podkhod k analizu faktornoy invariantnosti v sotsial'no-demograficheskikh gruppakh: na primere issledovaniya obrazov pozhilykh lyudey [An alternative approach to the analysis of factor invariance in socio-demographic groups: a case study of older people's images]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*. 41. pp. 47–48.
14. The Analytical Center for the Government of the Russian Federation. (2016) Pozhiloe naselenie Rossii: problemy i perspektivy [The Elderly Population of Russia: Problems and Prospects]. *Sotsial'nyy byulleten'*. March. [Online] Available from: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/8485.pdf> (Accessed: 10th January 2021).
15. Independent agency Zoom Market. (2019) *Federal'nyy sotsiologicheskii opros (iyun' 2019)* [Federal sociological survey (June 2019)]. [Online] Available from: www.mazm.ru. (Accessed: 10.01.2021).
16. Warburton, J., Sik Hung, N.G. & Shardlow, S.M. (2013) Social inclusion in an ageing world: Introduction to the special issue. *Ageing and Society*. 33(1). pp. 1–15.
17. Havighurst, R.J. (1961) Successful aging. *The Gerontologist*. 1(1). pp. 8–13.